

К 250-летию Академии наук СССР

Э. В. СЕВОРТЯН

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Тюркское языкознание в стенах Академии наук СССР ко времени Октябрьской революции вступило во второе столетие своего существования, имея большое научное наследие, оставленное ему русской тюркологией XIX — начала XX в.

Отечественная тюркология дореволюционного времени, занимавшая ведущее положение во всех сферах тюркского языкознания второй половины XIX — начала XX в., располагала составными элементами развитой науки: обширными и разнообразными, хорошо обработанными и систематизированными материалами, выработанными и испытанными в продолжительном опыте научной работы принципами, методами и приемами исследований, накопленным фондом научных разработок, проверенными временем научными традициями и как синтезом всего этого — научными установками русской тюркологической школы XIX — начала XX в.

Основная роль в формировании определяющих черт русской тюркологической школы принадлежит академической тюркологии в лице акад. В. В. Радлова и его учеников. Наряду с Азиатским музеем, вместе с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (с 80—90-х гг. XIX в.) являвшимися единственными центрами тюркологической работы в имп. Академии наук, в стране существовали сильные тюркологические коллективы в Казанском и Санктпетербургском университетах, где велась научная работа в области тюркских языков. Из сплава академической и университетской тюркологии выработались те черты, которые присущи русской тюркологической школе дореволюционного времени: постоянный активный интерес к живым тюркским языкам и их диалектам, внимание к действующим процессам в фонетике и грамматике этих языков, тщательный учет семантики грамматической формы и ее функционирования как в синхронии, так и диахронии; равный интерес как к фонетической стороне изучаемого языкового явления, так и к его семантике и связям с другими лингвистическими феноменами.

Наследие отечественной тюркологии сохранилось не только в книгах, статьях и рукописях. Оно в прямом значении слова передавалось вместе с научными традициями новым, послеоктябрьским поколениям тюркологов живыми представителями дореволюционной тюркологии — А. Н. Самойловичем, С. Е. Маловым, Н. И. Ашмариним, В. А. Гордлевским, А. Е. Крымским, В. А. Богородицким, П. А. Фалевым, которые с первых лет существования советской власти активно включились в строительство новой, многонациональной социалистической культуры и внесли большой вклад в послеоктябрьскую тюркологию.

После Октябрьской революции положение вещей во всей отечественной науке претерпело коренные изменения. Основными центрами исследова-

тельской работы, а в дальнейшем и подготовки научной смены стали научно-исследовательские институты, в числе их институты с тюркологическими коллективами, которые начали создаваться уже в первое десятилетие после революции.

В соответствии с этим в корне изменилась также научно-организационная деятельность АН СССР. Дореволюционная Академия была оторвана от жизни многочисленных народов Российской империи, в частности от окраин и глубинных территорий с тюркоязычным населением. Во многих случаях о научных связях с окраинами нельзя было и думать в условиях сплошной неграмотности и культурной отсталости целого ряда тюркских народов. В советскую эпоху Академия наук взяла на себя благородную задачу распространения опыта передовой науки в национальных краях, для чего на местах стала создаваться сеть баз, а затем филиалов Академии наук (ФАН СССР),¹ которые явились организаторами, нередко создателями, очагов науки в национальных центрах, направляющей силой в научно-исследовательской работе на местах. На основе филиалов АН в Баку, Ташкенте, Алма-Ате, Ашхабаде, Фрунзе и Кишиневе позднее были созданы Академии наук АзербССР, УзбССР, КазССР, ТуркмССР, КиргССР и МолдССР¹. Современная Академия наук СССР имеет в своих учреждениях девять тюркологических коллективов — в Казани, Уфе, Махачкале, Новосибирске, Якутске (ИЯЛИ Казанского, Башкирского, Дагестанского ФАН СССР, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, ИЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР) и по два в Москве и Ленинграде. Вместе с тюркологическими институтами национальных академий институты АН СССР и филиалов АН СССР, названные выше, имеют в своем составе 43 доктора и более 180 кандидатов филологических наук.

Значительные качественные изменения произошли также в организации, методах и теоретических основах научной работы по тюркским языкам. Новая организация научной работы в тюркском языкознании выразилась в широком распространении не известных до революции коллективных форм работы — как в самом научном исследовании, так и в его подготовке.

Стали обычными для научной жизни академических и остальных тюркологических институтов всесоюзные лингвистические конференции, совещания, дискуссии, симпозиумы по теоретическим вопросам описательной и исторической грамматики и фонетики тюркских языков (дискуссии о частях речи, глагольном виде, придаточном предложении, несколько общелингвистических конференций по проблемам морфологического типа и строения слова, аналитических конструкций, периодические совещания по диалектологии тюркских языков и др.). В Москве и Ленинграде в последние годы стали регулярными встречи по проблемам сравнительно-исторической фонетики и грамматики (в Москве), по узловым вопросам структуры тюркских языков, по истории науки и др. (в Ленинграде), организуемые соответственно сектором тюркских языков ИЯ АН СССР и ЛО ИВ АН СССР.

¹ В 1933 г. в Баку было создано Азербайджанское отделение Закавказского ФАН СССР, в 1937 г. реорганизованное в АзФАН СССР, на базе которого 30 VIII 1945 г. была создана Академия наук АзербССР. В 1932 г. в г. Алма-Ата была создана Казахская база АН СССР, преобразованная в 1938 г. в КазФАН СССР; 1 VI 1946 г. была создана Академия наук КазССР. В 1940 г. в Ашхабаде был создан Туркменский ФАН СССР, на базе которого 29 VI 1951 г. создана Академия наук ТуркмССР. В 1943 г. во Фрунзе был открыт КирФАН СССР, 20 XII 1954 г. начала функционировать Академия наук КиргССР. 4 XI 1943 г. на базе УзФАН СССР была организована Академия наук УзбССР. На базе Молдавского ФАН СССР 2 VIII 1961 г. создана Академия наук МолдССР.

Башкирский ФАН СССР был создан 12 V 1951 г., Татарский ФАН СССР — в 1945 г., Дагестанская база АН СССР (декабрь 1945 г.) в сентябре 1949 г. была реорганизована в ДагФАН СССР.

Все крупные описания фонетики и грамматики азербайджанского, узбекского, казахского, туркменского и других тюркских языков, выходявшие в последние десятилетия, разрабатывались преимущественно большими авторскими коллективами. Коллективно выполнены или выполняются крупномасштабные работы по всем разделам тюркского языкознания. (Москва, Ленинград).

В значительном количестве выходят в Москве, Ленинграде и в национальных научных центрах сборники (серия под названием «Тюркологический сборник», с 1951 г. и регулярно — начиная с 1970 г., Ленинград; «Вопросы диалектологии», начиная с 1958 г., Баку, вышло 5 выпусков).

Методологические и методические основы научной работы в тюркологических центрах АН СССР, равно как и в других аналогичных учреждениях страны, существенно отличаются от установок, сформировавшихся в академической и университетской тюркологии дооктябрьского периода. Советская тюркология явилась преемницей дооктябрьской тюркологии, она сохранила в своем научном арсенале приемы и наиболее совершенные схемы описательной, сравнительной и сравнительно-исторической тюркологии дооктябрьского времени, ее основные прогрессивные черты, особенно предоктябрьского периода. В то же время методологические принципы научно-исследовательских разработок в советской тюркологии опираются на материалистическую диалектику; об этом свидетельствует, в частности, развертывающееся исследование языкового явления во всех его связях и опосредованиях. Распространяющийся в последние годы в тюркологии системный подход к изучаемым явлениям языка создает условия для более глубокого внедрения метода материалистической диалектики в тюркское языкознание. Вместе с тем в арсенале методических приемов советской тюркологии сохраняются традиционный описательный, сравнительный и сравнительно-исторический методы, развиваются инструментальные методы в фонетических исследованиях, появляются первые опыты статистических исследований.

В послеоктябрьское время завершилась дифференциация тюркологии, от которой отпочковалось тюркское языкознание как самостоятельная отрасль лингвистической науки. Начало этой дифференциации положено научной деятельностью П. М. Мелиоранского, хотя в целом в дореволюционной тюркологии еще не созрели условия для выделения тюркологических дисциплин и специализации научных кадров. Специалисты старшего поколения, в известной части продолжавшие свою деятельность в послеоктябрьское время, нередко были не только языковедами, но и литературоведами и историками (А. Н. Самойлович, А. Е. Крымский, В. Д. Смирнов, В. А. Гордлевский и др.). Этот универсализм до некоторой степени сохраняется и у первого послеоктябрьского поколения тюркологов (Н. К. Дмитриев). Вскоре, однако, уходит в историю столь привлекательная фигура старого ориенталиста-энциклопедиста, которому в равной мере были доступны языки, литература, история, этнография и археология всего Ближнего Востока, что, впрочем, объяснялось еще и состоянием востоковедения в целом.

В наше время специализация тюркологов продолжает углубляться, объяснение чему следует искать в необычайно возросшем объеме научной информации и в ускорении темпов ее накопления. Начиная с предвоенного времени и особенно в последние десятилетия, в тюркологии постепенно формировались кадры грамматистов-синтаксистов и специалистов по морфологии, диалектологов, а в последние годы — лексикологов и историков. Подобная специализация лишь частично коснулась академических институтов Москвы и Ленинграда.

Направления и области тюркологической работы сразу после Октября специально не планировались. На первых порах они складывались естественным образом и заявляли о себе, когда для этого созрели объективные и субъективные условия, т. е. когда накапливались достаточные материалы, наблюдения и формировались специалисты. Только после этого стало возможным планировать направления тюркологических разработок. Раньше всех, вскоре после революции, стали быстро разрабатываться письмо, грамматика и лексикография — терминологическая и общая. За последние два-три десятилетия сложились или особенно интенсифицировались такие новые или ранее слабо развитые в тюркологии отрасли, как инструментальная фонетика, лексикология, теоретическая разработка центральных (для данного этапа тюркского языкознания) вопросов строения тюркских языков на морфологическом, синтаксическом и фонетическом уровнях, позднее также топонимика. Столь же естественно и закономерно развернулись и продолжают расширяться исследования по истории тюркских языков почти во всех республиках и областях с тюркоязычным населением, которые в этом следуют опыту тюркологических коллективов АН СССР в Москве и Ленинграде; надо отметить, что в Ленинграде историко-лингвистическая работа без перерыва продолжалась после Октябрьской революции.

В последнее десятилетие в тюркологических центрах АН СССР в Москве (ИЯ АН СССР) и Ленинграде (ЛО ИЯ АН СССР и ЛО ИВ АН СССР) были начаты и частично завершены, частично продолжаются фундаментальные сравнительно-исторические работы общетюркологического порядка в области фонетики, грамматики (морфология и синтаксис) и лексикологии. Это направление научных исследований начинает прививаться также в сравнительно-тюркологических секторах или группах республиканских академических институтов. В самые последние годы в академических учреждениях Москвы выполнены первые ареальные исследования.

Существенные послереволюционные перемены в тюркологии и тюркологической практике можно дополнить справкой о том, что в одних лишь тюркологических секторах Института языкознания и ЛО Института востоковедения АН СССР за послевоенные годы прошли и закончили аспирантуру свыше ста представителей почти всех тюркских народов СССР, тогда как в старой Академии специальной организации по подготовке научной смены по тюркологии не существовало.

Обзор наиболее важных разработок в области фонетики тюркских языков за первые два десятилетия после революции целесообразно начать с перевода письменности на латинскую графику. Завершением большой подготовительной работы к переходу на латинскую графику был I тюркологический съезд, состоявшийся 26 II — 6 III 1926 г. в Баку², являвшемся центром подготовки к съезду, причем азербайджанский народ к тому времени уже имел двухлетний опыт практического пользования латинизированным алфавитом. В работе I тюркологического съезда приняли активное участие виднейшие языковеды страны и зарубежные гости — Л. В. Щерба, А. Н. Самойлович, Н. Ф. Яковлев, С. Е. Малов, Н. И. Ашмарин, Б. Чобанзаде, М. Ф. Кёпрюлю-заде (Турция) и др., выступившие с докладами по злободневным вопросам научной и прикладной тюркологии.

Переход на новый алфавит взамен арабского, просуществовавшего у

² Основные библиографические сведения см.: А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968, стр. 26 примеч. 7 (далее — Кононов); а также: «Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.», М., 1965, стр. 105—112.

тюркских народов по крайней мере в продолжение девяти столетий³, явился революционным событием во всей культурной жизни тюркских народов; резко сократились сроки усвоения грамотности. Одновременно введение латиницы послужило сильным толчком для привлечения внимания общественности к вопросам языкового строительства, прямым следствием чего было зарождение тюркского языкознания на местах или же объединение местных тюркологических кадров и оформление научно-исследовательских коллективов.

Вопросы алфавита и орфографии всегда оставались в поле внимания тюркологических коллективов в центре и на местах. В самые последние годы тюркологи ИЯ АН СССР выпустили несколько справочных пособий об алфавитах и орфографии тюркских народов СССР⁴.

Работы по фонетике, выполнявшиеся в институтах АН СССР и ее филиалов, подразделяются на описания звукового состава конкретного языка, этюды по отдельным фонетическим проблемам, инструментальные исследования по фонетике. Полные описания звукового состава языков выходили как отдельными монографиями, так и в составе фонетико-грамматических трудов. Раньше других появились исследования по отдельным вопросам фонетики (общетюркского или конкретно языкового характера) и в их числе — работы Е. Д. Поливанова, Н. К. Дмитриева, В. А. Богородицкого, К. К. Юдахина, П. А. Азимова и др.⁵

Довольно рано стали выходить общие описания фонетики конкретных тюркских языков, строящиеся (как в целом и в настоящее время) по плану, принятому в «Phonetik der nördlichen Türkischen Sprachen» В. В. Радлова (Leipzig, 1882—1883) с некоторыми добавлениями, — начиная уже с работ В. А. Богородицкого, А. П. Поцелуевского, И. А. Батманова и др.⁶

Внедрению понятия фонемы в фонетические описания в немалой степени содействовала деятельность Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР и его специалистов проф. Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, а также Е. Д. Поливанова, Н. К. Дмитриева и др. К середине 40-х годов понятие фонемы прочно вошло в тюркологическую практику научных учреждений и вузов, явившись заслоном против крайностей акустико-артикуляторной трактовки звукового состава языка, которых не избежала послеоктябрьская тюркология на первых порах⁷.

³ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 221.

⁴ К. М. Мусатов, Алфавиты языков народов СССР, М., 1965; сб. «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР», М., 1972; сб. «Орфография тюркских литературных языков СССР», М., 1973.

⁵ Е. Д. Поливанов, К вопросу о долгих гласных в общетурецком языке, ДАН СССР, [Серия] В, № 7, 1927; его же, О буквах *k* и *q*, «Культура и письменность Востока», III, Баку, 1928; Н. К. Dmitrijev, On the pronunciation of the common Turkish R, JRAS, 1927, July; его же, *Th* in the modern Turkish languages, «Le monde oriental», 1929, XXIII; В. А. Богородицкий, Законы сингармонизма в тюркских языках, «Вестник научного общества татароведения», 6, 1927 (далее — ВНОТ); К. К. Юдахин, Некоторые особенности карабулакского говора, «Узбек диалектологиясида материаллар», I, Ташкент, 1957; П. А. Азимов, Туркмен дилиниң ясама сөзлердиң фонетики үйгешмелер, Ашгабат, 1944.

⁶ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд., Казань, 1953; А. П. Поцелуевский, Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1936; И. А. Батманов, Современный киргизский язык, вып. 1 — Фонетика, 4-е изд., Фрунзе, 1963; А. К. Алектеев, Фонематическая система современного азербайджанского языка, Баку, 1971; Т. Төчмөйрад о в, М. Худайгулыев, Хэзирки заман туркмен эдеби дилиниң фонетикасы, Ашгабат, 1970. См. также: Кононов, стр. 28—29 примеч. 12.

⁷ Н. И. Ашмарин, Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи, 1—3, Баку, 1926.

В 20-х годах на материале казанского диалекта татарского языка началось инструментальное изучение фонетики, связанное с именами В. А. Богородицкого и его ученика Г. Ш. Шарафа⁸; впоследствии эту разработку на туркменском материале продолжил А. П. Поцелуевский⁹. В 50-х годах инструментальные фонетические работы вновь возобновились и в нарастающих темпах продолжают в настоящее время. Совершенствование звукозаписывающих устройств сопровождается расширением тематики фонетических наблюдений. Внимание исследователей занято выяснением основных параметров гласных и согласных конкретных тюркских языков¹⁰. В последние годы начались исследования по словесному ударению и совершенно новой фонетико-синтаксической теме — интонации различных типов предложений¹¹.

Основное внимание тюркологов АН СССР и ее филиалов, равно как и остальных научных учреждений, а также вузов, где велись исследования по тюркским языкам, с самого начала сосредоточилось на малоизученных сторонах строя тюркских языков, прежде всего морфологии, а затем и синтаксиса. Целенаправленный характер занятий в области грамматики ускорил развитие теоретической мысли в тюркском языкознании. Весьма положительную роль в развитии грамматических исследований сыграло изменение методов анализа и в частности — переход к изучению языковых явлений по грамматическим категориям, начало чему было положено трудами Н. К. Дмитриева и других ученых не без влияния идей акад. А. А. Шахматова¹². Анализ грамматических явлений по категориям стал в советской тюркологии господствующим, а вопросы грамматики, занимающие преобладающую часть во всей послеоктябрьской тюркологической продукции, по-прежнему находятся на переднем плане научных интересов большей части советских тюркологов.

Разработке грамматических, как и фонетических, вопросов способствовали научные и учебные грамматики (фонетика, морфология, нередко синтаксис) конкретных тюркских языков¹³, которые вбирали в себя все

⁸ В. А. Богородицкий, Движение тона в словах двусложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным, ВНОТ, 4, 1926; Г. Шараф, Соворная длительность татарских гласных, ВНОТ, 8, 1928. Подробнее см.: Кононов, стр. 28 примеч. 9, 10.

⁹ А. П. Поцелуевский, Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом палатограмм, «Изв. Туркменского филиала [АН СССР]», 1945, 3—4.

¹⁰ Т. К. Ахматов, Звуковой строй современного киргизского литературного языка, II, Фрунзе, 1970; А. Ахундов, Азербайджан дилинин фонемлер системи, Баку, 1973; С. Күренов, Туркмен дилиниң узын ве гысга чекимлиери, Ашгабат, 1971; Н. Д. Дьячковский, Звуковой строй якутского языка. Ч. I — Вокализм, Якутск, 1971. См. также: Кононов, стр. 28 примеч. 11.

¹¹ А. Махмудов, Словесное ударение в узбекском языке, Ташкент, 1960; З. Х. Таги-заде, Сложное предложение в азербайджанском литературном языке. АДД, Баку, 1965; А. Н. Нурмаханова, Типы предложений по модальности и интонации в тюркских языках. АДД, Ташкент, 1966; И. Е. Алексеев, Мелодемы односоставных и двусоставных нераспространенных предложений якутского языка, «Языки и литература народов Сибири», Новосибирск, 1970.

¹² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. 1—2, Л., 1925—1927.

¹³ См., например: А. Н. Самойлович, Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, Л., 1925; В. А. Гордлевский, Грамматика турецкого языка, М., 1928; Е. Д. Поливанов, Краткая грамматика узбекского языка, Ч. I—II, Ташкент — М., 1926; Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940; его же, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948; А. К. Боровков, Учебник уйгурского языка, Л., 1935; А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956; его же, Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960; А. П. Поцелуевский, Руководство для изучения туркменского языка с приложением краткого туркмено-русского словаря, Ашхабад, 1929; Н. А. Баскаков, Ногай-

то новое, что появлялось в современной тюркологии, вводя его в широкий научный оборот, и выполняли таким образом организующую и направляющую роль в развитии тюркского языкознания в республиках.

В области морфологии за истекшие десятилетия особое внимание тюркологических коллективов институтов АН СССР и ее филиалов, а также тюркологов национальных центров занимали проблемы именных частей речи, словообразования, в частности аналитического, залогов, глагольного вида, морфологической структуры слова.

В дооктябрьской тюркологии проблема именных частей речи специально не освещалась. Прилагательное как часть речи не выделялось («Грамматика алтайского языка» 1869 г., О. Н. Бётлингк, П. М. Мелиоранский); наречие, не всеми вычленялось на правах самостоятельной части речи (Бётлингк), иногда оно рассматривалось как частица («Грамматика алтайского языка»). В процессе преподавания тюркских языков в школе и вузе, при подготовке школьных и вузовских пособий по тюркским языкам теоретическая неразработанность проблемы частей речи обнаружилась довольно скоро, и встал естественный вопрос о критериях выделения частей речи, в том числе и именных. В 1936 г. А. К. Боровковым был предложен комплекс таких критериев — морфологических, лексико-семантических и синтаксических¹⁴, которые в дальнейшем стали общепринятыми. В специальной дискуссии о частях речи в 1945 г. и позднее предлагались также грамматическая, морфо-семантическая и чисто семасиологическая трактовки вопроса¹⁵.

В изучении строения слова и его морфологической природы тюркологии после длительного перерыва вновь вернулись к вопросам, трактованным в свое время В. В. Радловым¹⁶, — к природе тюркской агглютинации, к лексической (Inhaltsstoff) и формальной (Formstoff) частям слова, подвижности границы этих частей слова в истории тюркских языков¹⁷. Был предложен новый подход к решению этого вопроса с точки зрения динамики функционирования лексической и грамматической частей слова¹⁸.

В изучении многих других вопросов морфологии внимание тюркологов сосредоточилось преимущественно на выяснении лингвистической природы языкового явления: в вопросе о залогах — на их принадлежности слову или формообразованию, синтаксической семантике залога (отношения между субъектом и объектом действия, субъектам и действием и т. д.); в

ский язык и его диалекты, М.—Л., 1940; В. Собанзаде, Ф. Аюзаде, Түрк ыҗаҗаҗы, Бакы, 1929; В. М. Насилов, Грамматика уйгурского языка, М., 1940.

¹⁴ А. Боровков, О частях речи в языках тюркской системы, сб. «Революция и письменность», 2, М., 1936.

¹⁵ См. об. этом: Э. В. Севортян, Вопросы грамматики в советской тюркологии, сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968 (далее — Севортян), стр. 310—311.

¹⁶ W. Radloff, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk-sprachen, St.-Pb., 1906.

¹⁷ См., например: сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963 (статьи В. А. Серебренникова, Н. А. Баскакова, А. М. Щербак); А. Н. Конионов, О фузии в тюркских языках, сб. «Структура и история тюркских языков» (далее сб. обозначается сокращенно — СИТЯ), М., 1971; сб. «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965 (статьи А. К. Боровкова, В. А. Серебренникова, Н. А. Баскакова, Э. Р. Тенишева); «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972; А. И. Исаков, Морфологическая структура слова и именные части речи в казахском языке, АДД, Алма-Ата, 1964; Г. Ф. Благова, Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения, ВЯ, 1970, 1; е же, Комбинация аффиксов множественности — исконно алтайская константа или типологический параллелизм?, сб. «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971.

¹⁸ С. Усманов, О морфологическом анализе слова и его грамматической форме в современном узбекском языке, СИТЯ.

области аффиксального словообразования — на значениях словообразовательных показателей и производящих основ, продуктивности показателей; в области аналитического словообразования (так называемые «сложные слова») — их принадлежности формам словообразования или случаям лексикализованных словосочетаний; в вопросе о видах — их принадлежности к системе тюркского формообразования или же к аналитическим конструкциям¹⁹. Эти вопросы еще не получили единообразного решения, естественно поэтому, что выходявшие за последнее десятилетие монографии по морфологии конкретных тюркских языков отражают различные точки зрения²⁰.

Из неизученных вопросов синтаксиса особое внимание тюркологов привлекала проблема придаточного предложения, которая в течение ряда лет занимала одно из центральных мест в их разысканиях. В дооктябрьской тюркологии к придаточным предложениям относили — более решительно (П. М. Мелиоранский) или менее решительно («Грамматика алтайского языка») — деепричастные и причастные обороты, имеющие свой субъект. В послеоктябрьский период эта традиционная точка зрения получила разностороннее обоснование среди ее многочисленных сторонников; другая же часть тюркологов противопоставляла ей положение о том, что непременным признаком предложения является сказуемое в личной форме. Было высказано также мнение о синтаксически переходном характере названных неличных оборотов (Н. К. Дмитриев, А. П. Поделуевский)²¹.

На тюркском материале разрабатывались вопросы, актуальные также для специалистов по синтаксису иносистемных языков: интерпретация словосочетания как самостоятельной единицы синтаксиса, предложения как разновидности словосочетания (Е. И. Убрятова), квалификация предиката как модально-интонационного единства (З. Х. Таги-заде, З. И. Будагова) и др.²².

Все это многообразное движение грамматической и в частности — синтаксической мысли отразилось также в описаниях строя конкретных тюркских языков, которые осуществлялись в институтах АН СССР, ее филиалов и республиканских академий (работы А. Г. Гулямова, М. Б. Балакаева, Н. З. Гаджиевой, С. Н. Иванова, М. З. Закиева, М. Н. Хыдырова и др.²³).

¹⁹ Подробнее о словообразовании см.: Севортян, стр. 311 и сл. Литературу о залогах и видах см.: Кононов, стр. 30 примеч. 18, 19. См. также: С. Кудайбергенов, Синтетический способ образования глагола в киргизском языке. АДД, Фрунзе, 1968; К. Хабичев, Карачаево-балкарское именное словообразование, Черкесск, 1971.

²⁰ См.: Кононов, стр. 31 примеч. 22, а также: А. А. Юлдашев, Аналитические формы глагола в тюркских языках, М., 1965; «Грамматика туркменского языка». Ч. I — Фонетика и морфология, Ашхабад, 1970; «Кыргыз тилинин грамматикасы (Морфология)», Фрунзе, 1964. Ср. также: Х. Ф. Исхакова, Исследования в области формальной морфологии тюркских языков. АКД, М., 1972; А. Хожиев, Түлкүсиз феъл, Ташкент, 1970.

²¹ Более подробно и литературу см.: Севортян, стр. 315 и сл., а также: Кононов, стр. 12 и 31—32 примеч. 25. См. еще: Г. Абдурахманов, Синтаксис осложненного предложения, СИТЯ; М. А. Аскарова, К критериям придаточных предложений в современном узбекском языке, там же; С. А. Соколов. К вопросу о классификации сложных предложений в современном литературном турецком языке, там же; М. А. Аскарова, Узбек тилида эргашиш формалари ва эргашиш гаплар, Ташкент, 1966.

²² См.: Е. И. Убрятова, Исследования по синтаксису якутского языка. I — Простое предложение, М.—Л., 1950; М. А. Черосов, Основные типы синтаксических словосочетаний в якутском языке, Якутск, 1972; «Современный татарский литературный язык. Синтаксис», М., 1971.

²³ См. Кононов, стр. 28—29 примеч. 12 и стр. 22 примеч. 22; а также: Н. И. Ашмарин, Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. II, Симбирск, 1923; «Қазақ тілінің грамматикасы». I — Морфология, II — Синтаксис, Алматы, 1967;

Особо должны быть отмечены традиционные для отечественной тюркологии описания малоизученных языков: публикации С. Е. Маловым материалов по уйгурским диалектам, лобнорскому языку, языку желтых уйгуров, собранных им еще в 1909—1911 и 1913—1915 гг. во время двухкратных поездок в Западный и Центральный Китай (см.: К о н о н о в, стр. 35 примеч. 38), новые материалы и исследования Э. Р. Тенишева по уйгурским диалектам в местах пребывания С. Е. Малова, его же материалы и исследования по языку саларов и желтых уйгуров²⁴, грамматики караимского, гагаузского языков К. М. Мусаева, Л. А. Покровской (К о н о н о в, стр. 31 примеч. 22). Много нового внесла в знания о тувинском (урянхайском) языке грамматика этого языка Ф. Г. Исакова и А. А. Пальмбах²⁵.

Дооктябрьская тюркология не имела разработанной методики и традиций в диалектологической работе (ср. редкие диалектные описания И. Н. Березина, В. Максимова, В. Писарева, А. Г. Бессонова и немногих других). В послеоктябрьский период пришлось начинать эту работу сначала и прежде всего с выработки приемов полевого сбора материала. Методика диалектографических обследований была разработана в 20—30-х годах Н. К. Дмитриевым и уточнена в двух специальных экспедициях — Башкирской 1928 г. и Крымской 1935—1936 гг., проводившихся под руководством ученого²⁶.

В отличие от других областей и направлений тюркского языкознания тюркологическими коллективами АН СССР регулярная и планомерная диалектографическая работа не проводилась: с самого же начала она естественным образом сосредоточилась в республиках и постепенно приобрела размах, сравнимый разве только с исследованиями по грамматике. Систематический и планомерный характер диалектография приобрела в Азербайджанской, позднее Узбекской, Туркменской, Киргизской академиях наук. В результате накоплен огромный ценный материал, в большей своей части уже опубликованный в форме монографий или статей. Среди них работы М. Ш. Ширалиева, Р. А. Рустамова, А. А. Гусейнова, М. Исламова, А. Г. Велиева, Ш. Ш. Шаабдурахманова, Ф. А. Абдуллаева, В. В. Решетова, С. Ибрагимова, Б. Джураева, С. Аразкулиева, С. Кульманова, С. Кюренова, Н. Нартыева, С. Аманжолова, Ж. Доскараева, Н. А. Баскакова, Д. Г. Тумашевой, Л. Т. Махмутовой, А. М. Аппаева и др.²⁷.

«Хозирги ўзбек тили». I — Фонетика, лексикология, морфология, II — Синтаксис, Тошкент, 1966; «Қырачай-малъкар тили грамматикасы. Фонетика, морфология, синтаксис», Нальчик, 1966; Н. А. Б а с к а к о в, Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология, ч. 1. Части речи и словообразование, М., 1952; «Языки народов СССР». II. — Тюркские языки, М., 1966.

²⁴ См.: К о н о н о в, стр. 35 примеч. 38; а также: Э. Р. Т е н и ш е в, Строй саларского языка. АДД, М., 1969 (одноименная монография в печати); е г о ж е, Саларский язык, М., 1963.

²⁵ Ф. Г. И с а к о в, А. А. П а л ь м б а х, Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология, М., 1961.

²⁶ Н. К. Д м и т р и е в, Отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР за 1928 г., «Башкирский диалектологический сборник», Уфа, 1959; е г о ж е, О методике изучения крымско-татарских диалектов и фольклора, «Экономика и культура Крыма», 9—12, Симферополь, 1934; е г о ж е, Крымская языковая экспедиция, сб. «Революция и письменность», 2, М., 1936. См. также: Э. В. С е в о р т я н, Н. К. Дмитриев и основные направления диалектологических исследований в послеоктябрьской тюркологии, «Вопросы диалектологии тюркских языков» (ВДТЯ), IV, Баку, 1966.

²⁷ Литературу по диалектологии см.: К о н о н о в, стр. 15 и 35—36 примеч. 39, 40, 42. Дополнительно см. также: Е. Д. П о л и в а н о в, Звуковой состав таджикского диалекта, «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, 1; е г о ж е, Фонетические особенности касимовского диалекта. М., 1923; М. И с л а м о в, Азербайджан дилинин Нуха

В последние годы определилась новая методика диалектологического описания, исходящая из признания диалекта в качестве цельной языковой системы, взамен прежнего описания диалекта по пунктам его отличий от литературного языка. Советская тюркология в настоящее время располагает рядом синтезирующих диалектологических построений по азербайджанскому (М. Ш. Ширалиев), киргизскому (Б. М. Юнусалиев), туркменскому (Ж. Амансарьев; Р. Бердиев, С. Кюренев, К. Шамыраров, С. Аразкулыев), узбекскому (В. В. Решетов и Ш. Шаабдурахманов), чувашскому (А. С. Канюкова) и некоторым другим языкам²⁸. Общим итогом диалектологической работы по тюркским языкам явится большой труд («Тюркские диалекты СССР»), подготавливаемый в секторе тюркских языков ИЯ АН СССР.

С середины 60-х годов начали выходить диалектологические словари, имеющие устойчивые традиции в дореволюционной тюркологии. Число словарей растет²⁹, однако в целом диалектная лексикография пока серьезно отстает от диалектологической работы как в количественном, так и в качественном отношении тем более, что в самые последние годы намечилось развитие тюркской диалектологии в СССР в новых направлениях. Здесь прежде всего следует отметить, что в филиалах АН СССР и республиканских академий широко осуществляется подготовка материалов для диалектологического атласа тюркских языков СССР под общим руководством сектора тюркских языков ИЯ АН СССР, выпустившего специальный вопросник³⁰, который уже обсуждался на представительных встречах тюркологов.

Синхронная лексикология как особая тюркологическая дисциплина сложилась после Октябрьской революции, причем заметно позже фонетики, грамматики и диалектологии тюркских языков. Раньше других отделов лексикологии начались исследования по тематической лексике, связанные с именами А. Н. Самойловича, В. А. Гордлевского, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева³¹. Подобные работы оказались в последующее время наиболее продуктивными и охватили разнообразные тематические группы лексики: термины родства, глаголы движения, животноводческая, зоологическая, метеорологическая, профессиональная лексика³² и др.

диалекты, Баки, 1968; Н. А. Б а с к а к о в, Диалект кумандинцев, М., 1972; «Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы», Абакан, 1973.

²⁸ М. Ш и р а л и е в, Азербайжан диалектолокиясинин әсаслары, Баки, 1962; Б. М. Ю н у с а л и е в, Кыргыз диалектологиясы, Фрунзе, 1971; Ж. А м а н с а р ь е в, Түркмен диалектологиясы, I, Ашгабат, 1970; Р. Б е р д и е в, С. К ю р е н о в, К. Ш а м ы р а д о в, С. А р а з к у л ы е в, Түркмен дилинин диалектлеринин очерки, Ашгабат, 1970; В. Р е ш е т о в, Ш. Ш а а б д у р а х м а н о в, Узбек диалектологияси, Тошкент, 1962; А. С. К а н ю к о в а, Чувашская диалектология, Чебоксары, 1965.

²⁹ Библиографические сведения см.: К о н о н о в, стр. 36 примеч. 40. См. также: Ж. М у к а м б а е в, Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү, I, Фрунзе, 1972; «Диалектологик сүзлөк», I—III, Казан, 1948—1958; «Диалектологический словарь татарского языка», Казань, 1969; «Азербайжан дилинин диалектоложи лүгәти», Баки, 1964; «Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі», Алматы, 1969; Л. П. С е р г е е в, Диалектологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1968.

³⁰ «Вопросник „Диалектологического атласа тюркских языков СССР“ (проект)», М., 1969. См. также: В. М. Ж и р м у н с к и й, О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза, ВЯ, 1963, 6.

³¹ А. Н. С а м о й л о в и ч, Название дней недели у азербайджанских турок, «Яфетический сборник», III, М.—Л., 1925; В. А. Г о р д л е в с к и й, Лексика караимского перевода Библии, ДАН, [Серия]В, Л., 1928; С. Е. М а л о в, Труды по древнетюркской лексике, «Труды МИВ», 4, М., 1947; Н. К. Д м и т р и е в, В. М. Ч и с т я к о в, З. Н. Б а к е е в а, Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе, М., 1952.

³² См.: К о н о н о в, стр. 32—33 примеч. 29, а также, например: А. П. Д у л ь з о в, Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья, «Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та», XI, 1954; Т. Б е г ж а н о в, Термины родства в муйнакском

Внимание лексикологов в большой степени привлекали вопросы омонимии и синонимии³³. О выделении тюркской лексикологии в самостоятельную и уже разработанную дисциплину свидетельствуют очерки лексики многих конкретных тюркских языков, опубликованные за последние 10—15 лет в составе описаний строя языка или отдельными монографиями³⁴.

Совершенно новый, неизвестный в дооктябрьской тюркологии раздел лексикологии составляет фразеология, получившая заметное развитие за последние 15 лет. В этой области следует указать на теоретические разработки, в числе которых исследования С. К. Кенесбаева, Ш. У. Рахматуллаева, Г. А. Байрамова и др., а также фразеологические словари и конкретные описания фразеологии ряда тюркских языков³⁵.

В послереволюционной тюркологии началось изучение заимствований и калек с русского (и через русский) в тюркских языках. Особенное развитие эта область получила в национальных тюркологических центрах. В большинстве опубликованных работ рассматриваются лексические заимствования послеоктябрьского периода, меньше привлекаются к изучению старые заимствования (см. Кононов, стр. 33—34 примеч. 32).

С 60-х годов заметно оживились исследования в одной из традиционных областей русской тюркологии — тюркизмов в русском, а также в других славянских языках. Интерес к этой теме пробудился также среди специалистов по другим восточно- и западнославянским языкам, чему содействовала инициатива, исходящая от тюркологов ИЯ АН СССР. Состоялось три симпозиума на тему о тюркизмах (в 1968 г. в Москве³⁶, 1969 г. в Минске, 1970 г. в Киеве; материалы симпозиума 1970 г. находятся в печати), опубликован ряд работ на данную тему, среди которых особое место занимает исследование Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря»³⁷, где автор развивает методику сравнительно-исторических лексикологических разысканий, разрабатывавшуюся в трудах П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша.

Уже в первое послеоктябрьское десятилетие в качестве первоочередной была выдвинута наиболее традиционная из всех областей русской тюркологии — лексикографическая работа. Достаточно сказать, что советская лексикография получила в наследство такие ценнейшие синтезирующие труды, как «Опыт словаря тюркских наречий» (I—IV, СПб., 1893—1914) акад. В. В. Радлова и «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (I—II, СПб., 1869—1871) Л. Будагова. В первые же десятилетия после Октябрьской революции было закончено издание известного «Словаря

диалекте каракалпакского языка, ВДТЯ, IV; Р. Г. Мухамедова, Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР, «Материалы по татарской диалектологии», 2, Казань, 1962.

³³ Вопросам омонимии и синонимии в конкретных тюркских языках посвящено большое число кандидатских диссертаций. См. также: А. Болганбаев, Синонимы в казахском языке. АДД, Алма-Ата, 1971.

³⁴ См.: Кононов, стр. 32—33 примеч. 29, а также: У. Турсунов, Ж. Мухтаров, Ш. Рахматуллаев, Хозирги ўзбек адабий тили. Морфология, лексикология, Ташкент, 1965; «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология», М., 1969; Т. А. Эфендиева, Лексическая стилистика современного азербайджанского языка. АДД, Баку, 1973; «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1971.

³⁵ См.: Кононов, стр. 34 примеч. 33, а также: Г. А. Байрамов, Основы фразеологии азербайджанского языка. АДД, Баку, 1970.

³⁶ Сб. «Тюркизмы в восточнославянских языках», М., 1974.

³⁷ Н. К. Дмитриев, О тюркских элементах русского словаря, «Лексикографический сборник», 3, М., 1958. См. также: Г. Ф. Блатова, Историко-этимологические заметки о словах *басурманин* — *мусульманин* и *магометанин* — *мужаммеданин*, «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка», М., 1969; е е же, Из истории развития тюркских этнонимов в русском языке, ВЯ, 1974, 1; В. Гукасян, Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утицкого, СИТЯ; Э. В. Севортян, Тюркизмы у ранних армянских писателей, там же.

якутского языка» Э. К. Пекарского — третьего классического образца отечественной лексикографии; начата и закончена публикация еще одного монументального труда — «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина³⁸.

Отвечая неотложным задачам и нуждам языкового строительства и культурной революции, послеоктябрьская тюркология пошла по пути создания тюркско-русских, а затем и русско-тюркских двуязычных словарей. Количество двуязычных словарей, изданных до настоящего времени, превышает сотню, среди них такие образцы современной тюркской лексикографии, как «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина (М., 1965, см. первый опыт этого словаря: М., 1940), «Узбекско-русский словарь» (М., 1959), подготовленный под руководством А. К. Боровкова, «Уйгурско-русский словарь» Э. Н. Наджиба (М., 1968) и др. Из многочисленных русско-тюркских словарей назовем четыре больших однотомных словаря: «Русско-казахский словарь» (М., 1954), «Русско-киргизский словарь» (М., 1957), «Русско-туркменский словарь» (М., 1956), «Русско-узбекский словарь» (М., 1954). За последние 10—15 лет лексикографический уровень двуязычных словарей по всем показателям значительно вырос.

Новой ступенью лексикографической работы явилась подготовка толковых словарей. Уже вышли толковые словари казахского, туркменского, азербайджанского языков³⁹, продолжается подготовка толковых словарей татарского, башкирского и других языков; все они являются нормативными. Продолжается издание терминологических словарей, начатое с большим размахом еще в первые десятилетия после Октябрьской революции.

Большой опыт издания тюркско-русских словарей позволил в последние годы заняться анализом выпущенных словарей и сформулировать ряд теоретических и методических установок, придерживаться которых необходимо при подготовке словарей (исследования А. А. Юлдашева и др.)⁴⁰.

С начала 50-х годов и особенно интенсивно в 60-х годах получили распространение работы по сопоставительной фонетике, грамматике, отчасти — лексике тюркских и русского языков, восходящие к традициям «Грамматики алтайского языка» и «Краткой грамматики казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского, в которых широко использован метод сопоставления тюркских материалов с русскими. Сопоставительные исследования после революции были продиктованы потребностями национальной школы, где проводится параллельное обучение национальному, русскому и иностранному языкам⁴¹. Несмотря на обилие сопоставительных работ, удачных опытов еще немного⁴², и при неразработанности специальной методики пока остается недостаточно ясным, что именно в этих сопоставлениях необходимо искать, какие вопросы необходимо решать (Кононов, стр. 11—12).

³⁸ Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, Пг. — Л., 1923—1930; Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, I — XVII, Казань — Чебоксары, 1928—1950.

³⁹ «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі», 1—2, Алматы, 1959—1961; «Түркмен дилинин сөзлүгі», Ашгабат, 1962; «Азәрбајжан дилинин изаһлы лүғәти», I — А — Г, Баку, 1966.

⁴⁰ А. А. Юлдашев, Принципы составления тюркско-русских словарей, М., 1972. См. также: «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1971.

⁴¹ Е. Д. Поливанов, Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком, Ташкент, 1933. В настоящее время имеются сопоставительные (с русским языком) грамматики почти всех тюркских языков Советского Союза.

⁴² О. В. Захарова, Сопоставительная грамматика русского и киргизского языков. Морфология, Фрунзе, 1965.

Привлечение сравнительных данных из других тюркских языков при синхронном описании строя конкретного языка в отечественной тюркологии имеет более чем полуторавековую традицию, которая начинается с грамматик И. Гиганова ⁴³, М. А. Казем-Бека и О. Бётлингера, проходит через работы И. Н. Березина, Н. И. Ильминского и окончательно закрепляется в трудах В. В. Радлова (впервые — в «Phonetik der nördlichen Türkssprachen»). В послеоктябрьские годы эти приемы через посредство академической тюркологии распространяются на тюркологическую работу в национальных центрах. Наиболее полным выражением сравнительного метода в советской тюркологии явилось фундаментальное издание «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (ч. 1—4, М., 1955—1962), подготовленное коллективом специалистов Института языкознания АН СССР под руководством Н. К. Дмитриева и посвященное узловым вопросам структуры тюркских языков в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. «Исследования» были задуманы как подготовительный этап к будущей сравнительно-исторической фонетике и грамматике тюркских языков. Продолжением сравнительных разысканий является ряд исследований по фонетике и грамматике различных тюркских языков, в числе их — работы по классификационным группам тюркских языков ⁴⁴.

Историко-лингвистические исследования в советской тюркологии возобновились с конца 40-х — начала 50-х годов. Однако изучение памятников, в том числе и старейших, без перерыва продолжалось в трудах С. Е. Малова, А. Н. Самойловича и последующего поколения тюркологов АН СССР — А. К. Боровкова, А. Н. Кононова, С. С. Джикия и других.

К концу 50-х годов обозначился решительный поворот внимания тюркологов в национальных республиках и областях к исторической тематике, исходя из чего Институты языкознания АН СССР и ТуркмССР создали в 1959 г. в Ашхабаде координационное совещание тюркологов, посвященное методам исторического изучения тюркских языков ⁴⁵. К этому времени был заметно пополнен корпус древнейших тюркских текстов, написанных руническим и уйгурским письмом. Вышли в свет книги С. Е. Малова об известных и вновь открытых рунических памятниках с комментариями и поправками к их старому чтению; исследование И. А. Батманова о следах диалектизмов в языке енисейско-орхонских памятников и др. ⁴⁶. Выполнен целый ряд исследований по фонетике, морфологии и синтаксису древнетюркских и древнеуйгурских памятников, весьма существенно пополняющих наши сведения по названным разделам исторической тюркологии. В несколько меньшем объеме велись исследования по словарю Махмуда Кашгарского ⁴⁷.

⁴³ См. об этом: А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период, Л., 1972, стр. 211.

⁴⁴ См., например: Б. Ч. Чарыров, Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы. АДД, Ашхабад, 1970.

⁴⁵ «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», Ашхабад, 1961.

⁴⁶ См.: Кононов, стр. 38—40 примеч. 51, 52, 55, а также: W. Kotwicz, A. Samoilowitch, Le monument d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale, RO, IV, 1928; И. А. Батманов, Следы говоров в языке памятников орхон-енисейской письменности, сб. «Проблемы тюркологии и источниковедения», Казань, 1964; А. Н. Бернштам, Древнетюркские рунические надписи из Ферганы, «Эпиграфика Востока», XI, М. — Л., 1956; С. Г. Кляшторный, Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы, «Труды АН ТаджССР», III, вып. V, 1959; Э. Р. Тенишев, Древнеуйгурские надписи Киргизии, «Народы Азии и Африки», 1964, 1; А. М. Scherbak, L'inscription runique d'Ouest-Elégueste (Touva), UALb, 35, В. МСМЛXIII, 1964; П. И. Кузнецов, Бессоюзные придаточные предложения с формой на -dik в памятниках орхон-енисейской письменности, «Советская тюркология», 1971, 4.

⁴⁷ Махмуд Кошғарий, Туркий сўзлар девони (Девону луғот-ит-турк).

В трудах А. Н. Самойловича, С. Е. Малова и др. не прерывалось также изучение старотюркских памятников⁴⁸. Тюркология обогатилась целым рядом квалифицированных публикаций ценнейших, а в некоторых случаях — уникальных памятников (а также многими исследованиями по уже издававшимся памятникам), подготовленных А. К. Боровковым (по староузбекскому и более ранним языкам), А. Н. Кононовым (по староогузскому и староузбекскому языкам), Т. И. Груниным (по армяно-кыпчакскому языку), С. С. Джикия (по старотурецкому языку), Э. Н. Наджибом (по хорезмийским и старокипчакским языкам), А. М. Щербаком (по староузбекскому и более ранним языкам), Э. Р. Тенишевым (по древнеуйгурскому языку)⁴⁹.

Интенсивно развивались изучение и публикация памятников в академиях наук Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, где вновь были переизданы, а также исследованы, иногда повторно, старокипчакские памятники XIII—XIV вв., а также «Санглях» Мирзы Мехди-хана и др. (см.: Кононов, стр. 18 и 39—40 примеч. 55). Эти издания в общем являются школой работы над памятниками, в которой накапливается опыт и отрабатываются необходимые приемы техники всестороннего исследования старых текстов. На этом этапе неизбежны упущения и недостатки, которые частично уже отмечались в научной литературе (см. например: Кононов, стр. 20).

С конца 40-х — начала 50-х годов все более интенсивно развиваются исследования по истории старописьменных литературных языков, содержащие описания фонетики, грамматики и лексики, классические образцы чего были даны еще П. М. Мелиоранским, Ф. Е. Коршем. Этот жанр историко-лингвистических разысканий особенно интенсивно разрабатывается в национальных тюркологических центрах. Уже вышли или подготовлены к печати исследования А. А. Ахундова, Дж. Г. Киекбаева, З. Б. Мухамедовой, А. Г. Гулямова, С. Н. Иванова, А. М. Щербака, Л. С. Левитской (по исторической фонетике и морфологии чувашского языка), М. Ш. Рагимова, Г. Абдурахманова, Ш. Шукурова, Э. А. Груниной, Г. Ф. Благовой и др.⁵⁰. Выполнены первые опыты исторических

Таржимон ва нашрга тайёрловчи... С. М. Муталлибов, Тошкент, I—1960; II—1961; III—1963; IV (индекс) — 1967; Э. Р. Тенишев, Указатель грамматических форм к «Дивану Тюркских языков» Махмуда Кашгарского, «Труды Ин-та языкознания (АН КазССР)», 3, 1963; Т. А. Боровкова, Относительно первого издания словаря Махмуда Кашгарского, «Народы Азии и Африки», 1964, 5; А. М. Демирчи-Зале, Сравнительный метод лингвиста ХIв. Махмуда Кашгарского, «Изв. АН АзССР», Серия общественных наук, Баку, 1964. Анализ Словаря Махмуда Кашгарского посвящен специальный номер журнала «Советская тюркология» (1972, 1).

⁴⁸ А. Н. Самойлович, Персидский тюрколог XVIII века Мирза Мехди-хан, «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», 1928, 5; С. Е. Малов, Ибн-Муханна о турецком языке, «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», III, 2, Л., 1928.

⁴⁹ А. К. Боровков, «Бада'и' ал-дугат» словарь Тали' Йимани Гератского к сочинениям Алишера Навои, М., 1961; е го ж е, Лексика среднеазиатского тейсира XII—XIII вв., М., 1963; А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази хана Хивинского, М.—Л., 1958; «Книга моего деда Коркута». Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962; А ли ш е р Н а в о и, Возлюбленный сердец. Сводный текст подготовил А. Н. Кононов, М.—Л., 1948; С. С. Джикия, Пространный реестр Гюрджистанского вилайета, кн. I—Текст, Тбилиси, 1947; кн. II—Перевод, 1941; кн. III—Исследование, 1958 (на груз. и русск. яз.); см. также: Кононов, стр. 39—40, 41 примеч. 54—56, 61.

⁵⁰ См.: Кононов, стр. 39—41 примеч. 54, 55, 60, 61, а также: З. Б. Мухамедова, Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв., Ашхабад, 1973; С. Н. Иванова, Родословное древо тюрков Абул-Гази-хана. Грамматический очерк, Ташкент, 1969; Ш. Шукуров, Фель тарихидан. Қадими туркий ёдгорликлар тилида майл ва замон формалари, Тошкент, 1970; Э. А. Грунина, К истории указательных местоимений в турецком языке, СИТЯ.

грамматик азербайджанского (Х. И. Мирзазаде) и узбекского языков ⁵¹.

Расширяется и совершенствуется историческая лексикология конкретных тюркских языков. К настоящему времени тюркология располагает крупными работами в этой области — публикациями Б. М. Юнусалиева, В. И. Асланова, Дж. Каграманова (на основе критического текста произведений Несими), П. Шамсиева и С. Ибрагимова, Э. И. Фазылова и др. ⁵².

На очередь встает обобщающая тема истории литературных тюркских языков, намечившаяся уже в 50-х годах ⁵³. Как и в исторической грамматике и фонетике конкретных тюркских языков, здесь также не все еще ясно в самом понятии литературного языка в историческом аспекте, ведутся поиски наиболее адекватных методов изучения. Исследование пока чаще всего ведется по грамматическим категориям, как и в синхронных описаниях. Однако более эффективным может оказаться анализ по микросистемам, как это показывают некоторые историко-лингвистические работы по азербайджанскому и узбекскому языкам (исследования М. Ш. Рагимова и Ш. Ш. Шукурова).

Несмотря на то, что историко-тюркологические публикации не всегда выполняются на основе абсолютно точных данных предварительной скрупулезной текстологической работы, не всегда их авторы оказываются во всеоружии известных в науке сведений по тому или иному предмету исследования, историческое языкознание в советской тюркологии тем не менее набирает темп развития, совершенствуя приемы работы, ставя перед собой все более сложные задачи, вовлекая в эту область тюркологии все возрастающее число специалистов.

Обращаясь к сравнительно-историческим исследованиям, нетрудно заметить, что, количественно уступая историко-лингвистическим работам, качественно они знаменуют собой новую ступень в изучении тюркских языков вообще. Мы вправе говорить о скачке, который совершила советская тюркология менее чем за одно десятилетие, обогатив тюркское языкознание рядом фундаментальных трудов в области фонетики, грамматики и лексики. Тюркологические коллективы ИЯ АН СССР в Москве и Ленинграде выпустили в свет первую наиболее полную и построенную на новейших материалах современных языков, их диалектов и всех тюркоязычных памятников сравнительно-историческую фонетику тюркских языков А. М. Щербака, содержащую опыт реконструкции фонологической системы тюркского языка-основы; первый в истории востоковедения опыт сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков Н. З. Гаджиевой, построенный на материале всех современных языков, их диалектов, всех важнейших тюркоязычных памятников; первый в истории тюркологии древнетюркский словарь; еще раньше увидели свет сравнительно-исторические исследования по лексике тюркских языков ⁵⁴. Находится в печати 1 том «Этимологического словаря тюркских языков».

⁵¹ См.: Кононов, стр. 41 примеч. 61, а также: Ф. Абдурахмонов, Ш. Шукуров, Узбек тилининг тарихий грамматикаси. Морфология ва синтаксис, Ташкент, 1973.

⁵² См.: Кононов, стр. 32 примеч. 28 и стр. 39—40 примеч. 55, 56, а также: В. И. Асланов, Историческая лексикология азербайджанского языка. АДД, Баку, 1973; Ч. Гөһрəманов, Несими «Диваны»нын лексикасы, Баку, 1973; П. Шамсиев, С. Иброҳимов, Навои асарлари луғати, Ташкент, 1972; Н. К. Антонов, Исследования по исторической лексике якутского языка. АДД, Якутск, 1973.

⁵³ С. П. Горский, Очерки по истории чувашского литературного языка. АДД, М., 1950.

⁵⁴ А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970; Н. З. Гаджиева, Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, М., 1973; «Древнетюркский словарь», Л., 1969; «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961. См. также: Кононов, примеч. 28.

Тюркологи ИЯ АН СССР ведут исследования по сравнительно-исторической фонетике и грамматике тюркских языков. А. Н. Кононов занят выяснением состава целого ряда слово- и формообразующих аффиксов⁵⁵. А. М. Щербак закончил сравнительно-историческое описание имени и глагола в тюркских языках, Н. А. Баскаковым завершена первая часть историко-типологических исследований по тюркским языкам, К. М. Мусаев закончил сравнительно-исторический очерк лексики западнокыпчакской группы тюркских языков.

Существенной особенностью большинства этих работ является признание доказательности и правомерности привлечения данных современных тюркских языков и их диалектов наравне с показаниями памятников при решении генетических вопросов; это отличает послеоктябрьскую тюркологию от дореволюционной.

В самые последние годы начато еще одно, новое направление тюркологических разысканий — ареальное, которое представляется весьма перспективным и для историко-лингвистических занятий по тюркским языкам. В Москве выполнены первые работы на эту тему — обстоятельное исследование Н. З. Гаджиевой (ИЯ АН СССР) об ареальных процессах в регионе Средней Азии (в печати) и работа Г. Ф. Благовой на близкую тему, но в плане диахронической лингвогеографии⁵⁶. К теме ареальных исследований близка проблема языковых контактов, в частности, двуязычия, которая уже привлекала внимание тюркологов и иранистов на материале того же среднеазиатского региона⁵⁷.

С разысканиями в области исторической лексикологии близко сопрягаются работы по тюркской топонимии, заметно распространившиеся за последние десятилетия в институтах филиалов АН СССР и национальных академий. За короткий срок топонимические исследования заняли свое место среди тюркологических дисциплин, стабилизировались методы, выработана типовая программа топонимической полевой работы, в чем несомненны заслуги А. П. Дульзона, Э. М. Мурзаева, В. А. Никонова и др.⁵⁸ Можно отметить также усиление интереса тюркологов (З. Б. Мухамедовой и др.) к вопросам антропонимии, хотя в целом работы в этой области пока носят эпизодический характер.

Появились первые опыты применения статистических методов исследования к тюркскому материалу (в частности, статистико-лингвистический анализ как графической и фонологической системы узбекского языка, так и структуры глагола в казахском языке).

В последнее десятилетие особенно настойчиво входит в сферу научных интересов тюркологов проблема общности алтайских языков. Наряду с дискуссиями об источниках алтайской общности, ставшими в этой области чуть ли не научной традицией, правда, мало плодотворной, в последнее время начались исследования общих элементов алтайских языков с перспективой на дальнейшее углубление. Систематические и планомерные ис-

⁵⁵ А. Н. Кононов, Показатели собирательности-множественности в тюркских языках, Л., 1969; его же, О фусии в тюркских языках; А. Н. Кононов, *İsimlerin ve sıfatların küçültme şekilleri ve söz yapımı*, TDAY — B (1968), 1969.

⁵⁶ Г. Ф. Благова, К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии, ВЯ, 1972, 5.

⁵⁷ А. К. Боровков, Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков, Уч. зап. ИВ АН СССР, IV, 1952; В. С. Расторгуева, Об устойчивости морфологической системы языка, сб. «Вопросы теории и истории», М., 1952. См. также: П. С. Джидалаев, К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов. АДД, Баку, 1972.

⁵⁸ См.: Кононов, стр. 34—35 примеч. 35, а также: «Совещание по топонимике Востока (Тезисы докладов)», М., 1961; А. П. Дульзон, Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимии, М., 1960; З. Б. Мухамедова, О некоторых гидронимах западной Туркмении, СИГЯ.

следования в этом направлении ведутся в алтайском секторе ЛО ИЯ АН СССР, который уже подготовил несколько коллективных трудов⁵⁹.

Традиционный и трудный вопрос о классификации тюркских языков остается в числе важнейших для современной тюркологии. К нему неоднократно обращались тюркологи в послеоктябрьское время. Первым среди них должен быть назван акад. А. Н. Самойлович, который объединил критерии классификации В. В. Радлова и Ф. Е. Корша, присовокупив к ним собственные дополнения⁶⁰. Классификация А. Н. Самойловича пока остается наиболее распространенной. Появились также новые классификации — С. Е. Малова⁶¹, Н. А. Баскакова, Б. А. Серебренникова (см. об этом: К о н о н о в, стр. 36—37 примеч. 44, 45). Из них первые две исходят из исторического взгляда на задачи классификации: классификация С. Е. Малова направлена на определение объема древних черт в современных языках, классификация Н. А. Баскакова отправляется от периодизации развития и формирования тюркских языков. Классификация Б. А. Серебренникова опирается на определение общности слов в разных группах тюркских языков. Опыты классификации тюркских языков свидетельствуют о том, что решение этого вопроса упирается прежде всего в недостаточную изученность общих черт в языках близкородственных групп, а также в недостаточную разработанность самих принципов классификации.

История отечественной тюркологии за все эти годы оставалась предметом постоянных забот большого числа тюркологов АН СССР, ее филиалов и республиканских академий наук. За прошедшие десятилетия вышло значительное число работ по истории тюркского языкознания в нашей стране и среди них ряд обобщающих трудов А. Н. Кононова, Н. К. Дмитриева, А. К. Боровкова и др.⁶².

С 1970 г. начал выходить специальный тюркологический журнал «Советская тюркология» с периодичностью шесть номеров в год. Журнал позволяет получить достаточно полное представление о тюркологической работе в СССР.

Постановлением Президиума АН СССР от 3 II 1973 г. учрежден Советский комитет тюркологов для общей координации научной работы по тюркским языкам в СССР. Постановление открывает широкие перспективы в деле упорядочения научно-организационной работы в области тюркского языкознания в нашей стране.

Как это наблюдалось не раз в истории востоковедения, советская тюркология вновь сосредоточивает свои усилия на ведущих направлениях и ключевых проблемах в тюркском языкознании, имея в своем активе большой объем научных разработок по актуальным вопросам тюркского языкознания, выполненных за десятилетия, прошедшие после Октябрьской революции. Тюркское языкознание в АН СССР и тюркологических центрах страны находится на подъеме, уверенно прокладывая новые пути и повышая масштабы решаемых им научных задач.

⁵⁹ Сб. «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971; «Очерки по сравнительной лексикологии алтайских языков», Л., 1972. См. еще: Т. А. Б е р т а г а е в, О соотносительности некоторых корневых глаголов в тюркско-монгольских языках, «Central Asiatic Journal», 1973, XVII, 2—4. См. также: К о н о н о в, стр. 41—42 примеч. 62; А. Н. К о н о н о в, Altaic linguistics in the USSR, «PIAC Newsletter», 1972, 7; е г о ж е, Тюркское языкознание в Академии наук, ВЯ, 1974, 3.

⁶⁰ А. С а м о й л о в и ч, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 1922.

⁶¹ С. Е. М а л о в, Памятники древнетюркской письменности, стр. 5—7.

⁶² Библиографические сведения см.: К о н о н о в, стр. 23 и 42—43 примеч. 66, 67. См. также: А. Н. К о н о н о в, Тюркская филология в СССР. 1917—1967; е г о ж е, История изучения тюркских языков в России; «Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет», «Советская тюркология», 1972, 6; С е в о р т я н, стр. 307 и сл.